

ДВА АНТИЧНЫХ СВЯТИЛИЩА НА ПЛАТО В КРЫМСКОМ ПРИАЗОВЬЕ¹

За последние 30 лет археологических исследований в Крымском Приазовье было открыто около десятка культовых комплексов [6]. Несмотря, на разную степень сохранности и информативности, они являются важнейшим историческим источником для реконструкции религиозной жизни населения боспорской хоры.

В итоге полевых исследований 2010–2013 гг. этот список пополнился ещё двумя небольшими сельскими святилищами [подробно: 8, с. 228–247; 3, с. 213–226] близ античного поселения Полянка, расположенного на Караларском побережье в 6 км к западу от мыса Зюк².

Оба святилища располагаются на вершине холма к востоку и юго-востоку от городища. Святилище № 1 расположено в 150 м к юго-востоку от основной застройки поселения, святилище № 2 в 500 м к северу от первого.

Выбор места для расположения сакральных объектов неслучаен. Как известно, горы и вершины занимали существенное место в мифологической системе древних индоевропейцев, в том числе и эллинов. В трехчленной системе мироздания вершины посвящались богам. На некоторых из них возжигали священный огонь, оставляли всякие священные символы и приношения, отправляли мистические обряды и даже хоронили особо избранных (*Paus.* I, 1, 1, 3; 5, 4; 12, 5–6; 32, 2, 7; 41, 7; 44, 8–10; II, 2, 8; 34, 8; 35, 4; 4, 6–7; III, 24, 8; VI, 20, 2; VIII, 38, 2–11; X, 4, 3–4). Выбор места для сакральных действий на господствующей вершине был обусловлен не только следованием древним традициям, но и отражал эстетические идеалы. Среди них не последнее место отводилось красоте местности и широте обзора с холма, гармонии с окружающим ландшафтом, что определяло душевное состояние и воздействовало на религиозные чувства не только верующего, но и оказавшегося здесь человека [5, с. 194–195; 7, с. 523–537].

Компактно расположенные святилища состояли из 1–2-х небольших прямоугольных в плане помещений, строго ориентированных по сторонам света, что свойственно комплексам сакрального назначения. По причине неполной сохранности помещений, нельзя сделать однозначных выводов об их планировке. От построек сохранились только цокольные кладки стен. Тем не менее, фрагменты строений позволяют судить о технике их возведения.

---

¹ Публикуется в авторской редакции.

² Примечание: археологические исследования античного поселения «Полянка» ведутся Восточно-Крымской археологической экспедицией ИА РАН (руководитель – А.А. Масленников). Археологические раскопки рассмотренных в статье сакральных объектов проводились под руководством к.и.н. Н.В. Кузиной, научного сотрудника экспедиции.

Стены сооружены из среднего размера известняковых камней в технике двухрядной трёхслойной кладки на растворе глины и грунта. В конструкции стен сочетались каменная и сырцовая кладки. Отсутствие фрагментов черепицы свидетельствует о том, что крыша была деревянной или из камыша.

При исследовании святилища № 1 на юго-востоке городища было зафиксировано два строительного-хронологического периода. К первому относится помещение 1, остатки которого представлены стенами №№ 4 и 5, образующими его северо-восточный угол. Стены сохранились в длину от 1.40 до 1.64 м. к первому строительному периоду следует отнести и конструкцию подпрямоугольной формы, сложенную из известняковых необработанных средних по размерам камней, располагавшуюся примерно в двух метрах к юго-востоку от восточной части стены № 5. Данное сооружение, возможно, представляло собой остатки основания алтаря [6, с. 243, рис. 107, а]. Исходя из датировок керамического материала, можно заключить, что даты первого строительного периода вероятнее всего III–II вв. до н.э. [8, с. 232].

В какой-то период (предположительно во II в. до н.э.) комплекс перестаёт существовать. Помещение 1 было разобрано и на его месте строится новое здание (помещение 2, 2-й строительный период). Оно было подпрямоугольной формы, ориентированное стенами по сторонам света и вытянуто в направлении: восток-запад. Восточная стена и вход не сохранились. Фактически, и то не полностью, уцелели почти исключительно цокольные ряды кладок трёх стен. Опираясь на датировку основного материала, можно предполагать, что помещение 2, относящееся ко второму строительному периоду, функционировало в пределах II–I вв. до н.э. и может быть, начале I в. н.э. [8, с. 243].

Святилище 2 представлено строительными остатками, которые относятся к одному строительному периоду, их функционирование приходится на период рубеж II–I вв. до н.э.– вторая половина I в. до н.э. Остатки помещения представлены стенами №№ 161 и 162, образующими его северо-западный угол. В южном направлении по линии трассы стены № 162, зафиксирован развал сырца с включением средних и мелких известняковых камней мощностью 0.4 м, вероятно образовавшийся вследствие разрушения стены. В массиве глинистого грунта прослеживаются контуры трёх сырцовых кирпичей, сложенных в один ряд, возможно принадлежавших одной из стен. Кладки восточной, как впрочем, и западной стен выявлены не были. С востока, внутреннее пространство помещения, судя по всему, было ограничено выходом известняковой скалы высотой около 0.86 м и длиной по линии север-юг более 2 м, которая уже в древности имела относительно ровные горизонтальную поверхность и вертикальную боковую грань. Не исключено, что скала со стороны помещения была специально выровнена и включена в конструкцию восточной стены в качестве цоколя. Остатки другого помещения, которое предположительно располагалось с северо-

запада от помещения № 61 представлено фрагментами двух стен №№ 164 и 165.

На сакральное назначение этих двух комплексов, расположенных несколько в стороне от основной застройки городища указывают следующие обстоятельства.

Во-первых, это – особенности культурного слоя на исследованных участках. Система культурных напластований в заполнении основных помещений святилищ № 1 и № 2 включает в себя прослойки грунта с включением морского песка и раковин морского гребешка. Наиболее ярко эта особенность выражена в святилище № 1. Здесь стратиграфия представлена чередованием двух основных прослоек светло-серо-коричневого и золистого суглинка с включением раковин морского гребешка (*cordius*). В святилище № 2 заполнение помещения № 61 образовано относительно рыхлым желтовато-коричневым глинистым грунтом, местами горелый, с зольными пятнами и угольками, обломками отдельных раковин моллюсков (мидий и морского гребешка). Наличие подсыпок из раковин морского гребешка, характерны для сельских святилищ.

На особый характер комплексов указывает и присутствие алтарных конструкций, как правило, размещавшихся в восточной или юго-восточной частях комплекса. В святилище № 1, выявлены остатки базы алтаря подпрямоугольной формы. Конструкция (длина её – 1.7 м, ширина – 1.3 м, высота – 0.6 м) сложена из нескольких средних и мелких необработанных известняковых камней, причём крупные камни поставлены на ребро и образуют внешние ряды кладки. Среди них использован фрагмент зернотёрки из тёмно-серого, зернистого камня. Отметим, что среди сооружений в сакральных комплексах, есть аналогичные данному алтарю. Например, алтарное основание, открытое в святилище поселения «Сиреневая бухта» [7, с. 243, рис. 107, а].

В основном помещении святилища № 2, в его восточной части, также открыт небольшой алтарь-эсхара в виде конструкции из глины с вертикально установленным в ней лепным коническим сосудом. Сосуд без дна высотой – 23 см, диаметр венчика – 28.2 см, выполнен из лепной глины с примесью ракушки. Его основание почти полностью запечатано известью. Заполнение сосуда – рыхлый суглинок с золой, несколькими раковинами мидий, комочками мела или извести и тёрочником из ножки коричневоглиняной амфоры [3, с. 215].

Теперь обратимся к характеристике находок. В объектах сакрального назначения, как известно, всякая находка – предмет не случайный. Одни из них имеют к тому или иному культу прямое отношение и в обычных слоях и комплексах почти не встречаются. Другие – что называется, двойного «пользования», то есть, и утилитарного тоже. В числе находок первой группы следует назвать фрагменты культовых терракотовых статуэток и курильниц. Эта категория находок в заметно большем количестве представлена в святилище № 1 и включает в себя более 38 фрагментов терракот и более десятка (16 ед.) фрагментов разнообразных лепных

курильниц. Фрагменты терракот из комплекса №1 представлены разновременными образцами – это фрагментов изображений женских божеств и Диониса, бытовавших во II–I вв. до н.э., марионеток (рубеж эр) и фрагмент статуэтки сидящей на троне богини, восходящий к поздним типам (II–III вв. н.э.) [4, с. 240–242, 246–251]. Терракоты в сочетании с керамическим материалом и находками стеклянных изделий свидетельствует о том, ритуалы на месте святилища № 1 проводились и после прекращения жизни на городище. Курильницы в основном представлены курильницами-рюмками с воронковидным вместилищем, высокой круглой в сечении ножкой и почти плоским основанием. Такого рода курильницы особенно хорошо известны среди находок в сакральных комплексах рубежа н.э. – первых веках н.э. [7, с. 328; 2, с. 98–100, с. 175, табл. XL, 1–6; 9, с. 11–12]. В святилище № 2 также была обнаружена фрагментированная большая курильница, помещенная в заложенную камнем нишу в основании стены. В данном случае мы имеем свидетельство некоего ритуального действия и возможно, способа маркировки особого назначения помещения. При этом в святилище № 2 практически не встречаются находки терракот (3, с. 215).

Что касается второй категории находок, так сказать «двойного назначения». С этой точки зрения примечательными являются находки зернотёрки и тёрочника, обнаруженные при исследовании алтарей в св. 1 и 2 и несколько фрагментированных тёрочников из заполнения помещения № 61 в святилище № 2. Думается, что присутствие этих артефактов в святилищах неслучайно. К этой мысли подводят и место находки, и её первоначальное функциональное назначение, связанное с зерном и его переработкой, превращением в иные продукты: муку и крупу. Такие преобразующие (разрушающие старую и порождающие новые) качества особо ценились в обрядах жертвоприношения [10, с. 108–109]. Находки зернотерок, тёрочников именно в этом контексте фиксируются в слоях китейского святилища, «святилища Афродиты» (по М.М. Худяку) в Нимфее [11, с. 24], сакрального комплекса на поселении «Белинское» [1, с. 150–151], а также на некрополе Илурата и Китея, где они выступали атрибутами заупокойных ритуалов, также хтонических по своей сути [10, с. 94].

Основной же массив находок представлен массовым материалом – фрагментами разнообразных сосудов, которые представляют важность не только при датировке культурных напластований и объектов, но и являются отражением отдельных аспектов ритуальной практики, связанной с совершением возлияний и сакральных трапез. К сосудам ритуального назначения, как правило, относят миниатюрные формы. Такого рода образцы присутствуют среди находок из святилища № 2, например, сероглиняная ойнохоя, фрагменты небольших мисок и т.п., обнаруженные рядом с алтарём, вероятно применявшиеся в обряде жертвоприношения.

Итак, подводя итог, отметим следующее. Исследованные в 2010 и 2012–2013 годах объекты относятся к числу святилищ типа *extra urban* (т.е. за пределами или на границах поселения). Данные объекты могли выступать в качестве своего рода пограничных, этнических «меток». Их возведение

эллиническими переселенцами при освоении новых отдалённых от городских центров земель, особенно в окружении или при соседстве варварских этносов, могло быть одним из проявлений процесса религиозно-мировоззренческой адаптации к новым условиям и символическим выражением «духовного» освоения окружающей территории и включения её в своё социальное и культурное пространство. Мы не можем судить о деталях отправлявшихся здесь ритуалах, но их связь с хозяйственной деятельностью населения – земледелием, рыболовством (связь с морем) очевидна. Находки изображений традиционных для греков божеств, популярных на территории всего Боспора, позволяет говорить о сохранении обитателями этого относительно отдаленного сельского поселения культурной и этнической идентичности, эллинской в своей основе духовной и материальной культуры.

Список литературы

1. Зубарев В.Г., Крайнева А.А. Сакральные объекты в застройке северного квартала городища «Белинское» // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Оікоζ. VII. Керчь, 2006.
2. Кастанаян Е.Г. Лепная керамика боспорских городов. Л., 1981.
3. Кузина Н.В., Масленников А.А. «Новое» святилище на холме вблизи поселения «Полянка» (раскопки 2012–2013 гг.) // Древности Боспора. Т. 19. М., 2015.
4. Кузина Н.В., Масленников А.А. Терракоты из раскопок античного поселения Полянка в Крымском Приазовье (2008–2013 гг.) // Древности Боспора. Т. 18. М., 2014.
5. Масленников А.А. Сельское святилище на горе Сююрташ в Восточном Крыму // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VII. Москва-Магнитогорск, 1999.
6. Масленников А.А. Античное святилище на Меотиде. М., 2006.
7. Масленников А.А. Сельские святилища европейского Боспора. М., 2007.
8. Масленников А.А., Кузина Н.В. Античное святилище на вершине близ поселения Полянка // Древности Боспора. Т. 15. М., 2011.
9. Молев Е.А., Сон Н.А. Отчет о работе Китейской экспедиции в сезоне 2009 года. Киев–Нижний Новгород, 2010 // Личный архив Е.А. Молева.
10. Тульпе И.А., Хршановский В.А. Жернова на некрополе // Вещь в контексте культуры. СПб., 1994.
11. Худяк М.М. Из истории Нимфея VI–III вв. до н.э. Л., 1962.